

его герой, Толик фон Штейнбок, в обеденный перерыв попадает в здание магаданского МГБ, где становится свидетелем того, как с веселым гамом служащие этого страшного учреждения расходятся для принятия пищи, а затем следует эпизод, собственно иллюстрирующий приведенную форму бытия. Один следователь спрашивает другого (который в этот момент зверски избивает подсудимого): «Обедать пойдешь, Борис?» (Вот оно: «Вы мне аппетита не испортите!»)

Финал «Завтраков...» «сообщает о нетипичности, таких, как... “тягостный спутник”» [7], – утверждает Ст. Рассадин, и здесь с ним невозможно не согласиться.

Таким образом, жанр рассказа в 1960-е годы в творчестве Василия Аксенова стал своеобразной творческой кухней и позволил найти новые художественные ориентиры, вылившиеся затем в резкое изменение идейно-стилистических интонаций в конце 1960–1970-х годов.

-
1. Аксенов В. Школа прозы // Вопр. лит. 1969. № 7.
  2. Аксенов В. С утра до темноты // Катапульта. М., 1964.
  3. Аксенов В., Росляков В. Недостоверная достоверность // Лит. газета. 1974. 20 марта.
  4. Аксенов В. На полпути к Луне. Право на остров. М., 1990.
  5. Макаров А. Идеи и образы Василия Аксенова // Макаров А. Идущим вослед: Poleмика. М., 1969.
  6. Аксенов В. Маленький кит – лакировщик действительности. На полпути к Луне. М., 1966.
  7. Рассадин Ст. Шестеро в кузове, не считая бочкотары // Вопр. лит. 1968. № 10.

Е. В. Харитонов
г. Волгоград

Жанр пасхального рассказа в творчестве Л. Д. Зиновьевой-Аннибал

Характерной чертой творчества русской писательницы Л. Д. Зиновьевой-Аннибал является стремление к жанровому многообразию в поисках наилучшей художественной формы. В прозаический цикл «Трагический зверинец» Аннибал включила и пасхальный рассказ («Журя»). Это соответствует общей для рубежа XIX–XX веков тенденции: различные

модификации жанра пасхального рассказа широко представлены в творчестве писателей многих литературных направлений, что убедительно доказывает в своем исследовании О. Н. Калениченко [1].

Рассказ Л. Д. Зиновьевой-Аннибал имеет традиционную для указанного жанра структуру: движение от быта к бытию. Повествование ведется от первого лица, при этом голос взрослого настойчиво «перебивает» голос девочки, что является результатом художественного приема острашения. Как все рассказы цикла «Трагический зверинец», «Журя» посвящен воспоминанию о встрече девочки Веры (рассказчицы) с птицей – с журавлем. Весомое место занимает воспоминание взрослой рассказчицы о событии, относящемся к детству героини: встреча и дружба с журавлем, спасенным на охоте, и предательство девочки, «уставшей любить» питомца, который умер от голода. Л. Д. Зиновьева-Аннибал подробно описывает дружбу девочки и птицы и горе героини. Ситуация предательства («надоело любить» [2, с. 58]), духовного падения героя является характерной для жанра пасхального рассказа. Именно она служит поворотной точкой сюжета, открывает план бытия: предпраздничное говенье, покаяние и философское заключение взрослой рассказчицы. Примечательно, что преломление событий и переживаний сквозь призму детской непосредственности позволяет автору, не нарушая внутреннюю логику произведения, ввести в заключение рассказа философское обобщение, программное для Л. Д. Зиновьевой-Аннибал.

В рассказе «Журя» впервые в цикле «Трагический зверинец» поднимается тема греха (образ грешного ребенка не является характерным для русской литературы рубежа XIX–XX веков): грех представлен как страх, неосознаваемое препятствие для воссоединения с миром. Автор без иронии описывает «наивно-детское понимание обрядов Великого праздника и вопросов веры» [1, с. 112], обыгрывая ситуацию духовного падения и роста девочки. Так описывает Аннибал душевные муки Веры: «В первый раз я говела. Тихая, истовая, ходила в церковь, где прежде ленилась и уставала... В Великую пятницу вечером исповедовалась... Отвечала на все: “Грешна, батюшка!” Потом, когда спросил, нет ли необычного, сказала про Журю, что потопила Журю, потому что надоело любить его. И молчала, ждала... Простит ли? И разве можно простить? Нельзя, нельзя, о, конечно, нельзя. Проклята я за то, что надоело любить...» [2, с. 58]. Подчеркнем, что в этом произведении переживание греха сопряжено с потребностью в молитве и исповеди, поэтому в нем актуализируется характерная для жанра пасхального рассказа тема раскаяния и прощения. Маленькая героиня Вера «воет» после смерти

брошенного ею журавля «без надежды и без смягчения...», тогда как в православии вера во Христа и надежда на Его милосердие – условие истинного спасительного раскаяния. За бытовыми подробностями подготовки к Пасхе («истовое» говение, очищение тела, «зубы лимоном терла, чтобы были белые...» [Там же]) проступают шаги к духовному прозрению: «кроткая, незлобивая» молитва, беседа со священником, который открывает Вере, что «слаб человек любовью» и может только «просить о помощи», и надежда («душу возьмет и воскресит... Тогда душа научится любить» [Там же]).

В рассказе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал актуализируется и идея доверия. Доверие обозначено как принадлежность к «толпе покорной» пришедших на службу верующих (то есть как условие соборного обновления духа – столь важной составляющей философии жизни и творчества четы Ивановых). Доверие – это также, по мысли Аннибал, естественное и желательное состояние всего живого (что находит подтверждение и в других рассказах цикла). В рассказе «Медвежата» автор подчеркивает самое простое, «звериное доверие» [Там же, с. 52], в рассказе «Волки» – чувство человека: «как это радостно не знать и доверяться: так любить Бога...» (монолог матери) [Там же, с. 72]. Страстной путь маленькой героини рассказа «Журя» завершается тем, что в момент совершения таинства покаяния в душе девочки зарождается доверие. Примечательно, что за словами священника (за чтением разрешительной молитвы) Вера слышит «шепот всей земли, перешепот с небом...» [Там же, с. 59].

В обращении писательницы к теме «праздника праздников» находит точное воплощение символистская концепция циклического времени: ежегодное празднование Пасхи связано с мистическим ожиданием очищения, душевного обновления, покаяния. Циклическая основа жизни человека воплощается в предвосхищении «новой весны», в желании «воскрешения сердца», совершающегося в праздник Пасхи, что не случайно: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят...» [Мф., 5, 8].

В произведении Л. Д. Зиновьевой-Аннибал воскрешение Христа после физической смерти проецируется на воскрешение человека при жизни, на «воскрешение сердца». В рассказе «Журя» актуализируется идея смерти как возможности воскресения («и жизнь и смерть в моей детской груди стали мне странно одним» [2, с. 60]), как необходимого условия Вечного Царства и «Пасхи вечной» («преобразится земля... из смерти в жизнь, из жизни в смерть» [Там же]). В душе маленькой героини совмещаются личное духовное преображение (переживание боли предательства, покаяние и отпущение первого детского греха) и предвосхище-

ние апокалиптического катарсиса («и станет Пасха вечная...» [Там же]) как неперменного условия обновления всего.

В рассказе «Журя» соблюдение православных традиций (таинства покаяния и причащения, совершаемые в Великую пятницу, праздничная служба) сочетается с мистическим преображением земли, с почти пантеистическим переживанием прихода весны. По словам З. Г. Минц, «пантеизм оказывается философской подоплекой знаменитой символистской “реабилитации плоти” – апологии земли, земного материального мира» [3]. Всеобщее космическое ожидание («Что-то совершается. Звезды знают, и ветер, и земля, и люди...») сменяется установлением мировой гармонии: «...и в ладане и в воске запахло невозможными березами...» [2, с. 59]. Открывается храм природный, где «каждое дерево... – фиал невероятных, волшебных благовоний» [Там же].

Пасха, пасхальная ночь, «перешепот» земли с небом для Л. Д. Зиновьевой-Аннибал – это «синтез» небесного и земного (в традиции философии Вл. Соловьева), слияние «земной души со светом неземным», как указывает З. Г. Минц, «поражение и претворение хаоса – это кульминация и развязка “сюжета” мира-мифа» [3]. Земля, «мчащаяся в своем дробящем ее вихре», и человек, охваченный тем же движением («так и я была, как в вихре» [2, с. 60]), преобразятся, по мысли Аннибал, в Великий праздник.

Отметим, что в прозе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал нашли отражение блоковские представления о растворенности Души мира в земных ландшафтах и подчеркнутая им же в творчестве Вяч. Иванова «неразлучность с землей». Видимо, этих символистов сближало «предчувствие возврата к стихии народной, свободно парящей, не отрываясь от земли» [4]. Присущее А. А. Блоку «несомненное поэтическое ощущение земли как одухотворенного существа» [Там же], отмеченное исследователем Т. В. Игошевой, свойственно и Аннибал, сопоставившей преображение земли и человека («вот так и я была...»). Образ «матери-земли», активно разрабатываемый символистами (А. Блоком, В. Брюсовым, Вл. Соловьевым), в прозе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал встречается не один раз. К нему писательница обращается и в других рассказах цикла «Трагический зверинец» («Медвежата», «Волки»), сборника «Нет!» (эссе-молитва «Пасха»), и каждый раз это связано с утверждением воли человека, с преобразующим «Нет!» Христа.

Народная религиозность, воплотившаяся в прозе Аннибал в обращении к образу земли, находит свое отражение и в мифопоэтической основе образа журавля: «...журавль в некоторых традициях выступает как

вестник плодородия, приносящий дождь. В христианстве символ доброй жизни, верности, аскетизма» [5]. «Крылатой собакой» называет Вера своего питомца, поэтому так тяжек «незамолимый» грех и так искренне раскаяние и возрождающееся доверие.

Итак, в рассмотренном нами пасхальном рассказе совмещаются (как и в сложной философской системе Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в целом) три пласта: философская традиция Вл. Соловьева, народная религиозность и христианская традиция. В тексте рассказа обозначены главные качества, традиционно воспитываемые православием: доверие, вера, искреннее раскаяние, надежда, смирение. Индивидуальный миф о всеобщем Преображении, воплощенный в рассказе «Журия» (цикл «Трагический зверинец») в образе обновляющейся земли, соотносится с макротекстом Аннибал. «Гибкость и отзывчивость» [1, с. 103] жанра пасхального рассказа позволили Л. Д. Зиновьевой-Аннибал концентрированно изложить в художественном произведении представления об основных категориях человеческого бытия, составивших философскую основу творчества писательницы.

-
1. *Калениченко О. Н.* Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX – начала XX века (святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла). Волгоград, 2000.
  2. *Зиновьева-Аннибал Л. Д.* Тридцать три уroda : романы, рассказы, эссе, пьесы. М., 1999.
  3. *Миц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Миц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004.
  4. *Игошева Т. В.* Образ «матери-земли» в поэтическом сознании А. Блока // Филол. науки. 2005. № 6.
  5. Мифы народов мира : энциклопедия: В 2 т. / под ред. С. А. Токарева. М., 2003. Т. 2.